

ВЛИЯНИЕ ИНОГОРОДНИХ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ

В статье с опорой на архивные материалы и источники личного происхождения дается характеристика особенностям взаимодействия казаков и иногородних, проживающих на казачьих землях, через проявление концепта «свой—чужой». Автор приходит к выводу, что, с одной стороны, присутствие невойскового населения оказывало вредное влияние на старые казачьи традиции, стесняло казаков, уменьшая размеры земельных участков, находившихся в их владении и пользовании, а также вызывало нежелание казаков заниматься промыслами. С другой стороны, появление иногородних на казачьих землях способствовало экономическому развитию территорий казачьих войск.

Ключевые слова: казачество, повседневная жизнь, концепт «свой—чужой», иногородние, невойсковое сословие.

Формирование особого локального казачьего мира повлияло на самоопределение казачества как сословия, отличного от других групп населения России. Это особенно проявилось в отношении к людям невойскового сословия. До 1861 г. постоянная оседлость невойскового населения на казачьей территории не допускалась. Основным контингентом иногородних в это время были беглые крепостные крестьяне, мещане, а также некоторые категории государственных крестьян и среди них однодворцы, отставные солдаты и их семьи, казаки, вышедшие из состава казачьих полков, мастеровой люд и торговцы. Иногородних разыскивали и высылали. В то же время местная администрация была заинтересована в использовании труда крестьян [15].

После отмены крепостного права крестьяне центральных губерний России в поисках земли и заработка устремились на окраины страны — в места, где не было помещичьего землевладения и земельной тесноты. С 1868 г. иногородним было разрешено селиться на казачьих землях согласно указу «О дозволении лицам невойскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях»: «...во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные невойскового сословия получили право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При этом земля продолжала оставаться собственностью войска».

Среди представителей невойскового сословия можно выделить три группы: 1) иногородние, имеющие оседлость; 2) иногородние, оседлости не имеющие; 3) коренные жители невойскового сословия.

К первой группе относились жители, приобретшие в станицах в собственность усадебные постройки с правом потомственного пользования находящейся под пост-

---

* © Годовова Е.В., 2016

Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Академия при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

ройкой земли и с обязательством уплачивать за такое пользование «посаженную плату» до 10 рублей в год (за каждую сажень земли).

Лица второй группы проживали на квартирах или частновладельческих землях в качестве арендаторов или нанимались в батраки к станичным богатеям. Положение этих людей было крайне тяжелым, поскольку из-за малочисленности группы они не имели оседлости.

В третью группу входили те, кто устроился на казенных землях или приобрел земельные участки на правах частной собственности [15].

Применение закона о разрешении селиться на войсковой территории лицам невойскового сословия привело к переполнению иногородними жителями территорий казачьих войск.

По данным Л.И. Футорянского, удельный вес невойскового населения по отдельным казачьим областям на войсковой территории в 1900 г. составлял: в Терском – 80,4 %, Донском – 57,2 %, Кубанском – 55,4 %, Уральском – 45,6 %, Сибирском – 42,3 %, Семиречинском – 19,9 %, Оренбургском – 17,5 %, Астраханском – 14,2 %, Амурском – 12,1 %, Забайкальском – 3,4 %, Уссурийском – 2,2 %. В самих же станицах иногородние составляли 24 %. В Донском – 13 %, Кубанском – 43 %, Терском – 12 %, Оренбургском – 14 %, Уральском – 26 %, Астраханском – 16 %, Семиречинском – 21 %, Забайкальском – 3 %, Амурском – 11 %, Уссурийском – 2 %. Следовательно, налицо было компактное казачье большинство [18, с. 50–51].

Присутствие невойскового населения оказывало вредное влияние на старые казачьи традиции, стесняло казаков, уменьшая размеры земельных участков, находившихся в их владении и пользовании [12. Л. 105 об.], а также вызывало нежелание казаков заниматься промыслами. Казаки не любили ремесленничать, считая, что портняжничать, валенки валять, крышу чинить – это удел иногородних [9, с. 40–41].

К примеру, Самохвалов – недавний житель станицы, прибывший из Орловской губернии. Там он занимался крестьянством, но земли было так мало, что она не прокармливала семью. Приходилось заниматься другим ремеслом; в свободное время ходил в город, работал жестянщиком, маляром, но и этого было недостаточно для сносной жизни. А тут пошли дети – лишние рты. Заработка не хватало. Прослышал Самохвалов, что есть такая сытая страна, где из земли чуть ли не масло течет, где голодных никогда не бывает, потому что закрома у каждого набиты наливным зерном.

Распродав пожитки, усадил Самохвалов семью в поезд и поехал искать счастья и хлеба в этой заманчивой стране. Неприятливо встретила Донщина незваного пришельца. Два года перебирался он с семьей с хутора на хутор, ища такого места, где можно было обжиться своим хозяйством. Но такое желание «мужика» казаки всегда встречали сурово. Для «неказачьего» населения вводилась строгая регламентация на занятия различными видами хозяйственной деятельности. «Мужику» на казачьей земле самостоятельно сельским хозяйством заниматься нельзя. Его дело – батраком быть». Но Самохвалов – гордый «мужик», его не заставишь батрачить. Да и притом какой смысл: если бы он ремесла не знал, тогда другое дело. И решил Самохвалов отбросить пока что мечту в казачьем плодородном крае завести хозяйство.

Перебрался он в станицу Садковскую, вырыл себе землянку и стал промышлять ремеслом, а это оказалось небезвыгодным делом [9, с. 40–41], т. к. казаки ремесленничать не любили.

Дмитрий Петров в «Сказаниях о казаках» описывает интересный сюжет о том, как к дочери станичного атамана посватался молодой иногородний приказчик, атаман же и слушать не хотел – не понравился ему жених из иногородних. Но дочь настояла на своем, предъявив отцу ультиматум: если не выйдет замуж за приказчика, уйдет в монастырь. Атаману ничего не оставалось делать, как дать свое согласие. Однако атаман все время думал о зачислении зятя в казаки и, прося об этом проверяющего

станицу министра Куропаткина, говорил ему: «В казаки больно хочет он... тяготится мужичьим состоянием» [9, с. 29]. Следует отметить, что прием в казаки в пореформенный период был строго индивидуальным, ограниченным, поскольку рост казачьего населения негативно отражался на размерах паев.

Положение иногородних было незавидным. Один из священников так описывает положение крестьян, проживающих на территории Кубанского казачьего войска: «...оплачивая каждый шаг своей жизни, каждый вершок занимаемой земли, каждую голову хозяйственной животины, неся большую и труднейшую часть общественных повинностей, отбывая целиком повинности государству, сами ровно ничего ниоткуда и ни от кого не получают, живут без всяких прав, чужими между своими же русскими людьми казаками, которые все на каждом шагу дают им чувствовать как свое хозяйское преимущество, так равно и их полную, хуже крепостной, зависимость» [6, с. 91].

Казаки по-разному относились к иногородним. Однажды на джигитовке в одной из станиц Донского казачьего войска свое мастерство показал иногородний человек, проживающий в казачьей станице. По толпе пронесся возбужденный говор. Кто восторгался, а кто и возмущался: «мужик проклятый!», «опозорил казаков!» и т. д. [9, с. 26–27].

Сами иногородние говорили, что казаки смотрели на них «как турки на крестьян» [6, с. 91]. В пьесе «Маруся-казачка» Митрофана Седина так показано отношение к иногородним: «Разве можно жить тут, когда тебя каждый пьяница в черкеске называет бродягой – бездомной собакой. Здесь куском хлеба подавишься. Презирают, будто бы мы пришли из какой-нибудь турецкой или другой поганой земли, а не из православной святой Руси» [17]. Иногороднему необходимо было заслужить уважение казаков. Эта тенденция прослеживалась с детства. В своих воспоминаниях В. Прихода пишет о том, как учился в министерско-приходской одноклассной школе на хуторе Сосыкском, где среди казачат-учеников и казака-учителя он был один «из городолицких детей». От его способностей в учении зависело и отношение к нему. «Если бы я плохо учился и учитель был мною не доволен, казачата заклевали бы меня», – пишет он [10, с. 134]. Мальчик оказался хорошим учеником и помогал своим товарищам, когда они чего-то не понимали. В конце учебного года он был награжден похвальным листом, чем очень порадовал своих родителей [10, с. 135].

Необходимость пополнения станичных обществ, особенно ремесленными умельцами, способствовало восприятию казаками представителей невоевского сословия «своими». Например, беспаспортный человек Андрей Симоненко вольготно чувствовал себя в станице Староминской и даже почитался за казака [2. Л. 1, 3]. Астраханский казак В.И. Лисунов в своих записках характеризует иногородних как людей, необходимых станичникам. Сапожник («чеботарь») делал казакам необходимую обувь (сапоги и бахилы), плотники строили казакам дома в любое время года, шерстобиты приходили валять валенки, точильщик точил ножи и ножницы (топоры казаки точили сами), стекольщик появлялся вставлять стекла (его услуги стоили очень дорого), лудильщик чинил самовары, маляр ежегодно нанимался красить комнаты в домах станичников. Частым гостем в станице Дурновской был агент швейного предприятия «Зингер и К°», приходивший собирать денежные взносы за купленные казачками в рассрочку швейные машинки [14, с. 224].

Появление иногородних на казачьих землях способствовало и развитию земледелия. Так, благодаря иногороднему населению в Кубанской области одновременно с расширением площади запашек начинают входить в употребление и чрезвычайно быстро распространяться улучшенные земледельческие орудия. Примитивный плуг быстро выходит из употребления. Его заменяют улучшенным иностранного (потом и русского) производства. Повсеместно в употребление входят веялки-сортировки,

косилки, сеялки, молотилки. Согласно данным Мельникова за 12 лет в пределах станиц у коренного и иногороднего населения количество улучшенных орудий возросло с 39 919 в 1886 году до 194 840 в 1898 году [8, с. 87].

Далеко не редкостью были уже в конце XIX — начале XX века браки между казаками и иногородними, а также отстаивание общих интересов станицы. В 1882 г. в ответ на статью в «Кубанских областных ведомостях» священника станицы Курчанской, который обиделся на своих станичников и нелестно отозвался о жителях неказачьего происхождения, казаки писали: «Неуместны выражения, относящиеся [...] к армейскому офицеру, и мужику в пестрых штанах, и к бывшему бродяге Ивану, так как все эти лица теперь наши братья» [7, с. 229].

Известны были случаи пожертвований в пользу иногородних. Уральские войсковые ведомости свидетельствуют, что казак Павел Филимонович Сладков и его жена Екатерина Павловна для увековечивания памяти скончавшейся 8 марта 1911 года их дочери Любви Павловны Сладковой сделали следующие пожертвования: внесли в Хозяйственное правление четырнадцать тысяч рублей наличными деньгами с тем, чтобы из этих денег на четыре тысячи рублей были учреждены при Уральской войсковой женской гимназии две стипендии, по две тысячи каждая, для учениц этой гимназии без различия сословий и десять тысяч рублей, составившие капитал, на проценты с которого содержалась при Уральской Войсковой больнице кровать имени Любви Павловны Сладковой для беднейших лиц иногороднего сословия [16].

В целом же негативное отношение к иногородним сохранялось, и оно было не случайным. Например, на Кубани начиная с 70-х гг. XIX в., несмотря на экономическую развитость, казачьи хозяйства уступали крестьянским. Д.Ф. Сафонов отмечает в своих воспоминаниях, что на фоне станичных хлеборобов-казаков хуторяне жили значительно лучше [13]. Это замечает и статистический обозреватель, указывая на то, что отношения между пришлым иногородним элементом и казаками все более обостряются. Казаки станицы Новоминской Кубанского казачьего войска говорили, что прежде им жилось лучше, когда не было «городовиков» [5, с. 642]. Примечателен и такой факт, что в среде дальневосточного казачества, несмотря на дефицит женщин, крестьянок замуж не брали. Если не удавалось жениться на казачке, крестьянке предпочитали мещанку [1, с. 190].

Казаки понимали, что военная служба в новых экономических условиях является тяжелым бременем, консервирующим хозяйство. Идеологи казачества заговорили об «оскудении казачества» и постарались искать виновников на стороне — в лице все увеличивающегося количества иногородних, причем не только за счет миграции, но и благодаря высокой рождаемости [11. Л. 165]. «К сожалению, за последнее время в станицах хоперского полкового округа иногородний элемент быстро начинает увеличиваться, что оказывает на казачье население крайне ослабляющее действие», — пишет В. Толстов [4, с. 192] в Истории Хоперского полка Кубанского казачьего войска и считает, что браки между лицами войскового и невойскового сословия неблагоприятно влияют на упрочение боевых традиций и военных качеств казаков.

Заведующий училищем станицы Чамлыкской Е.П. Рясинский, рассказывая о вражде казаков и иногородних, отмечал в 1904 г., что «казачье население нравственно и экономически являлось лицом страдательным». Вся торговля, земледелие, скотоводство, огородничество и т. д. находятся в руках мелких торговцев и кулаков, которые, пользуясь острою нуждою казака, «дерут с него при тех или других обстоятельствах по три шкуры». Кроме этого, пришлый элемент явился нравственным деморализатором казачьего населения, малоопытного и малоустойчивого при влиянии на него посторонней силы. Не имея постоянной жизни и хозяйства, эта значительная часть пришлого населения проводит время в разгуле, воровстве и своим примером нередко увлекает казака, «являясь неотлучным спутником при казацкой невзгоде, которая нередко заливадается горькой» [3. Л. 22 об. — 23].

Итак, начиная с 70-х гг. XIX в. народонаселение, проживающее на территории казачьих войск, приобретает неоднородный состав. Появление новых людей воспринимается с позиции «свой–чужой». Процессы капитализации, тяготы военной службы и неумение использовать паи ухудшили положение казачества. Виновником этого считали иногородних, несмотря на то что они жили в своей массе гораздо беднее казаков [17]. С начала XX в. наблюдается рост недовольства своим положением невоинского населения в казачьих регионах, что проявляется в массовых и организованных выступлениях.

Библиографический список

1. Аргудяева Ю.В. Хозяйственный и семейный быт дальневосточных казаков во второй половине XIX в. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сб. науч. ст. Вып. 2. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. Хабаровск, 2009.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1115.
3. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4.
4. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896: в 2 ч. / сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов; под ред. Потто. Тифлис, 1901.
5. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
6. Котов С.Н. Особенности духовной культуры крестьянства Северного Кавказа в XIX начале XX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этических культур Северного Кавказа за 2001 год. Дикаревские чтения (8). Краснодар: Изд-во «Крайбибколлектор», 2002.
7. Матвеев О.В. Кубанское казачье войско (1860 – начало XX столетия) // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014.
8. Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Т. VI. Екатеринодар, 1900.
9. Петров (Бирюк) Д.И. Сказание о казаках. Роман-трилогия. М.: Вече, 1993.
10. Прихода В. Записки непокорного // Родная Кубань. 1999. № 3.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 44.
12. РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 43.
13. Сафонов Д.Ф. По дорогам XX века, 2004. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166>.
14. Тропиницын И.В. Записки В.И. Лисунова как источник по истории станицы Дурновской Астраханского казачьего войска конца XIX – начала XX вв. // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века: Всероссийская научно-практическая конференция (2013 г., Волгоград) / отв. ред. И.О. Тюменцев; Волгоградский филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013.
15. Узлов Ю.А. Особенности колониальной политики России на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala2011/3/istoriya/uzlov.pdf.
16. Уральские войсковые ведомости. 1911. 11 мая.
17. Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. URL: <http://www.teoria-practica.ru>.
18. Фуроранский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

References

1. Argudiaeva Iu.V. *Khoziaistvennyi i semeinyi byt dal'nevostochnykh kazakov vo vtoroi polovine XIX v.* [Economic and family household of Far East Cossacks in the second half of the XIX century]. In: *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII–XXI vv.: k 120-letiiu Ussuriiskogo kazach'ego voiska: sb. nauch. st. Vyp. 2.* [Cozatsvo of the Far East of Russia in the XVII–XXI century: on the 120 year anniversary of Ussuri Cossack Army: collection of research articles. Issue 2]. Institute of history, archaeology and ethnography of peoples of the Far East FEB RAS; Khabarovsk regional museum named after N.I. Grodekov. Khabarovsk, 2009 [in Russian].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK)* [State archive of the Krasnodar region]. F. 396. Op. 1. D. 1115 [in Russian].
3. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 4. [in Russian].
4. *Istoriia Khoperskogo polka Kubanskogo kazach'ego voiska. 1696–1896. Sost. esaul I Kubanskogo polka V. Tolstov. Pod red. Potto. V 2-kh chastiakh* [History of Khoper regiment of the Kuban Cossack army. 1696–1896. Compiler esaul of the I Kuban regiment V. Tolstoy. Potto (Ed.). In 2 parts]. Tiflis, 1901 [in Russian].
5. Kirillov P. *Novominskaia stanitsa. Statisticheskoe opisaniie* [Novominskaya stanitsa. Statistical description]. In: *Kubanskii sbornik* [Kuban collected book]. Ekaterinodar, 1888. Vol. 1 [in Russian].
6. Kotov S.N. *Osobennosti dukhovnoi kul'tury krest'ianstva Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv.* [Peculiarities of spiritual culture of peasantry of the North Caucasus in the XIX – beginning of the XX century]. In: *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovanii eticheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2001 god. Dikarevskie chteniia (8)* [Results of folklore and ethnographic researches of ethical cultures of the North Caucasus for 2001. Dikarev readings (8)]. Krasnodar: Izd-vo «Kraibibkollektor», 2002 [in Russian].
7. Matveev O.V. *Kubanskoe kazach'e voisko (1860 – nachalo XX stoletia)* [Kuban Cossack Army (1860 – beginning of the XX century)]. In: *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Iuga Rossii: kollektivnaia monografiia. Pod red. G.G. Matishova, I.O. Tiumentseva* [Sketches of history and culture of the Cossacs of the South of Russia: multi-authored monograph. G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva (Eds.)]; Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences; Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014 [in Russian].
8. Mel'nikov L.M. *Inogorodnie v Kubanskoii oblasti* [Foreigners in the Kuban region]. In: *Kubanskii sbornik* [Kuban collected book]. Ekaterinodar, 1900, Vol. 6 [in Russian].
9. Petrov (Biriuk) D.I. *Skazanie o kazakakh. Roman-trilogiia* [Legend of Cossacs. Trilogy of novels]. M.: Veche, 1993 [in Russian].
10. Prikhoda V. *Zapiski nepokornogo* [Notes of disobedient]. In: *Rodnaia Kuban'* [Native Kuban]. 1999. No. 3 [in Russian].
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op. 17. D. 44 [in Russian].
12. RGIA. F. 1263. Op. 4. D. 43 [in Russian].
13. Safonov D.F. *Po dorogam XX veka* [Along the roads of the XX century], 2004. Retrieved from: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166> [in Russian].
14. Tropinitsyn I.V. *Zapiski V.I. Lisunova kak istochnik po istorii stanitsy Durnovskoi Astrakhanskogo kazach'ego voiska kontsa XIX – nachala XX vv.* [Notes of V.I. Lisunov as a source on the history of stanitsa Durnovskaya of Astrakhan Cossack Army of the end of the XIX – beginning of the XX century]. In: *Istochnikovedcheskie problemy v issledovaniakh po istorii kazachestva XX veka: Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (2013 g., Volgograd). Otv. red. I.O. Tiumentsev* [Historiographic problems in the researches on the history of the Cossacks of the XX century: All-Russian research and practical conference (2013, Volgograd). I.O. Tyumentsev (Ed.)]; Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2013 [in Russian].
15. Uzlov Iu.A. *Osobennosti kolonial'noi politiki Rossii na Severnom Kavkaze* [Peculiarities of colonial policy of Russia on the North Caucasus]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development]. 2011. No. 3. Retrieved from: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala2011/3/istoriya/uzlov.pdf [in Russian].

16. *Ural'skie voiskovye vedomosti* [Ural army bulletin]. No. 38 dated May 11, 1911 [in Russian].
17. Fedina I.M. *Kubanskoe kazachestvo i inogorodnee naselenie na rubezhe XIX–XX vv. kak otrazhenie sotsial'nykh paradigm kubanskoj stanitsy* [Kuban Cossacs and foreign population on the boundary of the XIX–XX centuries as a reflection of social paradigms of Kuban stanitsa]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development]. 2012. No. 2. Retrieved from: <http://www.teoria-practica.ru> [in Russian].
18. Futoriatsky L.I. *Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov* [The Cossacs of Russia at the turn of the century]. Orenburg, 1997 [in Russian].

E.V. Godovova*

INFLUENCE OF NON-RESIDENTS ON THE DAILY LIFE OF COSSACK VILLAGES

Relying on archival materials and sources of personal origin, the characteristics of interaction of the Cossacks and non-residents living on the Cossack lands through the manifestation of «own alien» concept are presented in the article. The author concludes that, on the one hand, presence of non-residents has a detrimental effect on the old Cossack tradition, embarrassed Cossacks, reducing the size of land plots that were in their possession and use, as well as causing the reluctance to engage in fisheries. On the other hand the appearance of non-residents on the Cossack lands contributed to the economic development of territories of the Cossack troops.

Key words: Cossacks, daily life, concept «own–alien», non-resident, non-troop class.

Статья поступила в редакцию 15/VI/2016.
The article received 15/VI/2016.

---

* *Godovova Elena Viktorovna* (godovova@mail.ru), Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 26, Kuracha Street, Orenburg, 460000, Russian Federation.